

В гостиной — семья актрисы Татьяны Догилевой

и писателя-сатирика Михаила Мишина

Моск. правда. — 1991. — 19 окт.

Влюбленность переросла в немислимую любовь

Встречу они назначили не по-звездному быстро. На следующий день я была уже у них дома. Он, этот дом, с виду тоже совсем незвездный. Неказистый такой, трехэтажный. Вот район — да. Пять минут — и на Пушкинской площади.

О квартире не знаешь, что и сказать. Обнадеживающе большой коридор и две безнадежно небольшие комнаты. Диван с разложенными рукописями. Несколько полок с книгами в небольшой «стенке». Кресла, письменный стол. Танина фотография за стеклом книжной полки. И, по словам хозяйки, «некий дождь» на стене в раме. Подарок Татьяне от знакомого с Кипра.

— Ничего у нас нет, — смеется хозяйка. — Антиквариата нет, картин нет...

Михаил: Да как здесь, в этой стране, можно что-нибудь собирать. И потом для этого какая-то особая любовь нужна. К собирательству. Я за свою жизнь коллекционировал только спичечные этикетки. Пять собрал. На этом кончил. Правда, теперь мы решили собирать настенные тарелки из тех мест, где побывали. Вот это коллекция! Их уже там штук восемь.

Корр.: А книги не собираете?

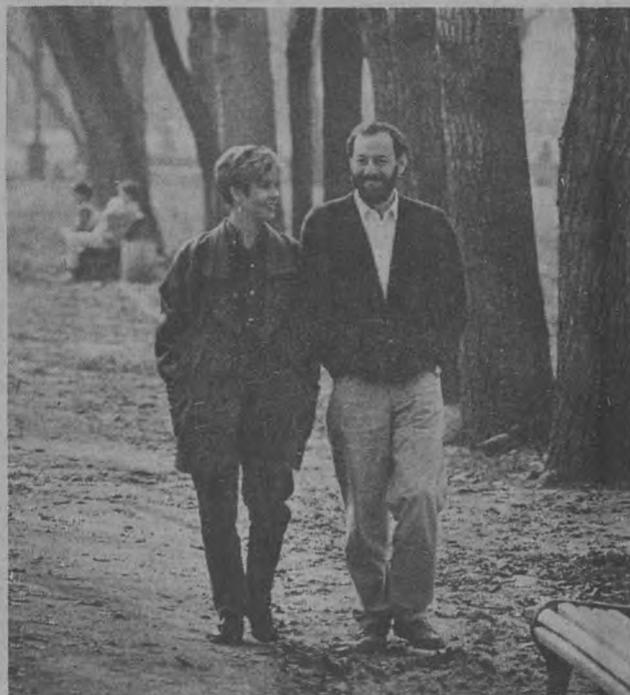
Михаил: Когда-то давно собирал. Потом понял: из всех шкафов и полок можно выбрать десяток книг, которые хочется открыть, поэтому ограничился тем, что лежит под рукой. У Тани вот появилась маниакальная страсть — читать плохие детективы. Она берет тонну детективов, закрывает последнюю страницу одного, открывает следующий. А с ее памятью она, к сожалению, все это еще и помнит. Но это не собрание книг, это — времяпровождение.

Корр.: А периодика? Что вы читаете?

Михаил: Скажу, что выпиваем: «Известия», «Литературку», «Московские новости», «Огонек»... Ну, словом, весь джентльменский набор. А в начале этого года вдруг вынимаю из ящика «Литературную учебу». Я и не знал, что в семье происходит литературный процесс. «Литературная учеба!» Интеллигентная семья стала... Потом выяснилось: Таня подписалась, там печатают Нострадамуса. Так что если я завтра приду и увижу дома журнал «Цветоводство» — не удивлюсь. Значит, с Таней случилось что-то очередное.

Корр.: Что такое по-вашему семья в наше время?

Михаил: Единственное, что спасает. Люди прицепляются

друг к другу и сосуществуют. Так легко.

Татьяна: Это очень сложно. Думаю, во всем мире, не только у нас. Я знаю семьи, которые начинались с дикого романа, с любви, как у Ромео и Джульетты. А кончалось все очень быстро и чудовищно. Тут ничего не поймешь. Это от Бога, от судьбы. Конечно, влюбленность — это красиво, легко, романтично. А потом начинается быт — это совсем другое, чем любимый на Ривьере. И здесь, скорее всего, все строится на взаимоуважении и понимании индивидуальности друг друга.

Михаил: Ты хочешь сказать, у тебя прошла влюбленность?

Татьяна: Она переросла в немислимую любовь.

Михаил: Вот это другое дело.

Корр.: Как же строится ваш быт?

Татьяна: Он не строится, мы его преодолеваем. Большую часть проблем взяли на себя наши мамы. Я в очередях не стою. Если и приходится, то больше часа не выдержу. Как правило, по магазинам хожу ненакрашенная, в такой одежке, что меня трудно узнать. И все долго обсуждают: я это или не я. Стою и слушаю достоинства и недостатки артистки Догилевой. Так что у меня связь с народом поддерживается.

Корр.: Какое у вас меню? Вы держите диету?

Татьяна: Пока я придерживаюсь того принципа, что надо делать так, как хочется. Хочешь сладкое есть? Ешь. Хочешь ночью есть? Ешь. Мой организм такой, что если его начать ограни-

чивать, он очень сопротивляется и звереет и все назло начинает делать. У каждого своя диета. Моя — давать организму то, что он хочет.

Михаил: Очень трудная диета. Тяжелая для исполнения.

Корр.: А спорт? У вас, кажется, был первый разряд по художественной гимнастике?

Татьяна: Был. Но с годами я становлюсь все ленивее. К счастью, играю в спектакле, который требует держать себя в форме — делать гимнастику, растягивать себя. Этот спектакль меня пока и спасает.

Корр.: Кто у вас глава семьи?

Михаил: Таня. Она так думает, и я ей не мешаю.

Корр.: А что это такое, глава семьи?

Татьяна: Этого никто не знает. Вообще у нас так приблизительно: когда удобно — я глава семьи, когда нет — он.

Корр.: Вересаев, кажется, писал, что сатирики в быту очень серьезные люди. Это правда?

Татьяна: Он очень, очень...
Михаил: Да, я серьезный. Фейербаха по утрам читаю...

Корр.: А свои рассказы Татьяна читаете?

Михаил: Читаю. Надо же и порадовать как-то. Кое-что Таня исполняет со сцены. Восемь лет назад снялась в фильме по моему сценарию. Тогда мы и познакомились.

Татьяна: Для нас важно быть в курсе дел друг друга. Я все сценарии показываю мужу. Советуемся, снимаемся в фильме или нет. Наши мнения, как правило, совпадают.

Корр.: Вы оптимисты по жизни?

Михаил: Вопрос неправильный. Мы же живем? Пока живем — не уехали, не повесились, — мы оптимисты. Такая история. Ну, теплится какая-то надежда. Жизнь идет. Она же одна. Черновиков-то нет. В лучшем случае удается спланировать что-то для себя. Но и это трудно.

Корр.: Почему вы не уезжаете из страны?

Михаил: А почему надо уезжать? Здесь жизнь невыносима, а там невозможно. Если уезжать, нужно забыть о себе прежнем и договориться с самим собой: «С завтрашнего дня я другой человек, с другой профессией, другим образом жизни». Но мне начинать вторую жизнь не хочется. Я уж дотяну эту. Поехать посмотреть мир, заработать настоящих денег — это да.

Татьяна: И потом, мы другие, совсем другие. Мы лучше, интереснее, народ у нас веселее. А какое общество, какие друзья! Да, очереди. Да, магазины. А в Кампучии, может, убили бы мотыгами. Я хочу жить здесь, хочу играть в московских театрах. Лишь бы была минимальная еда, одежда и возможность раз в год съездить посмотреть мир.

Корр.: Что вы думаете о нашем будущем?

Михаил: Мы привыкли жить в угоду будущему. Вот проведем коллективизацию — и заживем. Индустриализацию. Электрификацию. Химизацию. Вот еще догоним Америку по ракетам... Ну, ничего подобного. Вот умрем — и заживем.

Татьяна: Здесь ни Нострадамус, ни Глоба ничего не предскажут. Кто мог предсказать, что народ поднимется на защиту Белого дома? Или кто мог знать, что после путча в нашей жизни ничего не изменится к лучшему? Поэтому я вообще решила не думать о будущем. Его у нас нет. Купил картошки — и хорошо. Сходил в театр — и хорошо. Завтра может не быть ни картошки, ни театров. Я считаю, надо жить сегодняшним днем и проживать его как можно более благополучно и с удовольствием.

Корр.: Какие качества в супруге для вас наиболее ценны?

Михаил: В Тане? Ее существование.

Корр.: А что значит счастливая семья?

Михаил: Наша.

Татьяна: Постучи по дереву.

...Я тоже стучу. Дай им Бог.

Беседовала Е. РУБЛЕВА.